

А. Ю. Стефаненко

Трудовые мобилизации населения в блокадном Ленинграде

Характерной чертой мировых войн XX в. стало активное привлечение всего трудоспособного населения к работам, необходимым для стабильного обеспечения фронта и тыла. Одной из наиболее распространенных форм стали трудовые мобилизации, впервые примененные в годы Первой мировой и активно использовавшиеся во время Гражданской и Великой Отечественной войн. Вместе с тем в научной литературе данные сюжеты практически не получили подробного освещения. Историографические обзоры свидетельствуют: среди специалистов по-прежнему нет единства в отношении того, что считать трудовой мобилизацией и что представляли собой трудовые мобилизации и трудовые армии в период Великой Отечественной войны¹.

В научной литературе происходит смешивание юридических оснований, экономических предпосылок, некорректная интерпретация таких терминов, как «трудовая повинность» и «оборонная работа». По этим причинам в современной историографии сложились две трактовки трудовых мобилизаций. Первая определяет их как массовые кампании начала Великой Отечественной войны. Основное внимание уделяется мероприятиям, связанным с возведением оборонительных сооружений². Вторая точка зрения утвердилась среди специалистов, занимавшихся тыловыми районами, закрытыми городами СССР или системой ГУЛАГ³. По их мнению, трудовые армии и трудовые мобилизации — это контингенты заключенных или ссыльных, использовавшиеся для решения проблемы нехватки рабочей силы.

**Стефаненко
Александр Юрьевич**
канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет;
Санкт-Петербургский
институт истории РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

Подобная ситуация связана с тем, что в течение долгого времени трудовые мобилизации не имели однозначной и непротиворечивой трактовки уже среди современников. В законодательных и подзаконных актах существовал достаточно расплывчатый термин «трудовая повинность», появившийся в проекте декларации «Прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Оттуда определение было перенесено в Конституцию РСФСР 1918 г. и Кодекс законов о труде 1918 г.⁴ Впоследствии термин был исключен из основных законов Советского государства и не употреблялся в Конституциях СССР 1924 г. и 1936 г., но сохранился в Кодексе законов о труде 1922 г.⁵ Одновременно с этим словосочетания «трудовой налог», «трудовая разверстка», «трудовая повинность» и «трудовая мобилизация» в советском делопроизводстве использовались как синонимы⁶.

Юристы определяли трудовые мобилизации как чрезвычайные меры, использование которых было ограничено необходимостью борьбы с последствиями стихийных бедствий и ситуациями, когда требовалось срочно восполнить недостаток рабочей силы для выполнения важнейших государственных заданий. Советские правоведы давали достаточно специфичную трактовку трудовой повинности, пытаясь всячески отделить ее от общественных работ и одновременно интерпретируя не как репрессивную форму привлечения населения на работу, а как способ найма. Отмечалось, что на практике трудовая повинность в СССР по сути не применяется, а если и возникает необходимость, то на работающих по ней людей распространяются положения Кодекса законов о труде⁷.

Ситуация стала меняться в условиях индустриализации и коллективизации. На протяжении пятилеток по СССР фиксируются эпизодические случаи привлечения по трудовой повинности⁸. В основном они касались топливного сектора, где вместо Кодекса законов о труде действовали местные инструкции и правила, обусловленные сезонностью работ⁹.

Несколько иное положение наблюдалось в крупных промышленных центрах. В Ленинграде трудовые мобилизации были связаны с энергетическим кризисом 1936–1940 гг. Из-за отсутствия стабильных кадров в заготовительных конторах и нехватки топлива предприятия города были под постоянной угрозой закрытия. Приходилось уходить на временные простои или отправлять рабочих в отпуска¹⁰. В апреле 1939 г. власти даже создали тройки по распределению топлива и электроэнергии¹¹. Ситуация несколько стабилизировалась только в июне 1940 г.¹² Однако продолжала сохраняться практика распределения выходных дней по предприятиям Ленинграда, чтобы соблюдать баланс в потреблении электроэнергии¹³.

Помимо этого власти города разрешали временно перебрасывать рабочих с одного завода на другой и сами проводили трудовые мобилизации на лесозаготовки¹⁴. Вместе с тем довоенные формы привлечения населения не носили массового характера, ограничивались отдельными направлениями и небольшими масштабами, редко превышая отправку нескольких сотен человек за один раз. Отсутствовали и юридические основания, так как заготовительный сектор не соблюдал полностью Кодекс законов о труде, а действовал

исходя из внутренних инструкций и положений, разрешавших как сверхурочные работы, так и различные формы перераспределения сотрудников.

Не было и единого центра принятия решений. Власти курировали и контролировали трудовые мобилизации, вмешиваясь только в тех случаях, когда подобные формы использования населения мешали выполнению государственных заданий. Таким образом, до Великой Отечественной войны не было выработано юридических оснований для массового привлечения населения, а практики мобилизации жителей Ленинграда и Ленинградской области носили эпизодический характер. Энергетический кризис, при всей его негативной роли в развитии города, стал важным опытом для руководства Ленинграда. Отдельные предприятия сумели адаптироваться к установлению лимитов на электроэнергию, а также научились переводить производство на ручной труд. Поэтому к потенциальному ограничению подачи электричества власти города были готовы.

Ситуация изменилась с началом Великой Отечественной войны и появлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении»¹⁵. Документ давал местным органам власти право вводить военное положение, по которому разрешалась и трудовая повинность. Вместе с тем указ не содержал конкретных сведений о том, как правильно проводить мобилизации и какие категории лиц ей не подлежат. Обращает внимание, что на протяжении всей Великой Отечественной войны ленинградские руководители ни разу не ссылались на опыт трудовых мобилизаций эпохи революции и Гражданской войны, предпочитая аргументировать необходимость подобных мер не историческим опытом, а актуальным законодательством военного времени.

Трудовые мобилизации на территории Ленинграда и Ленинградской области можно разделить на три периода. Первый совпадает с началом Великой Отечественной войны и продолжается до декабря 1941 г. Для этого времени характерны чрезвычайные меры с акцентом на административное решение вопросов. Власти города не имели продуманного плана по использованию труда местного населения. Обмен мнениями на партийном собрании руководства Ленинграда 23 июня 1941 г. позволяет говорить только о том, что был учтен опыт Советско-финляндской войны. Однако не было определено, кто конкретно должен заниматься подбором людей на местах, их снабжением, подготовкой и отправкой¹⁶. Фактически в первые недели Великой Отечественной войны сохранялась довоенная практика курирования этих вопросов партийными инстанциями. Также не конкретизировались сроки и масштабы перемещений трудоспособного населения, так как отсутствовали актуальные данные о категориях, имеющих бронь, эвакуированных и мобилизованных в Красную армию и парамилитарные формирования. Было решено сформировать централизованный орган, который бы координировал привлечение населения по трудовой повинности. Однако реализация проекта на районном уровне затянулась, и работа на местах началась только в августе 1941 г.¹⁷

Создание координирующего органа в системе советской власти представляется вполне логичным продолжением межвоенной практики организации всевозможных комиссий¹⁸. Вместе с тем подобное решение было

ориентировано скорее на краткосрочный период, нежели на длительную военную кампанию. Неизбежно должны были возникнуть конфликты между партийными, комсомольскими и советскими органами, ведущими собственную документацию и учет. Спорным представляется и размер комиссии, который должен был включать всего трех человек, без обслуживающего персонала¹⁹. При этом от них требовалось вести ежедневный учет движения всего мобилизуемого контингента, сопоставляя планы и их выполнение, а также перераспределять людей между учреждениями, предприятиями и пунктами назначения.

Первый период совпал только с одной трудовой мобилизацией — массовой отправкой населения на строительство системы оборонительных сооружений в Ленинградской области и Ленинграде. Лишь отдельные районы и производственные коллективы проводили собственные трудовые мобилизации на сбор сельскохозяйственной продукции²⁰. В отличие от призыва в Красную армию, привлечение населения на трудовые работы столкнулось со множеством проблем, обусловленных параллелизмом в деятельности органов власти и управления Ленинграда и отсутствием продуманной системы санкций и поощрений. Помимо городской комиссии была создана комиссия по оборонительным работам²¹, а сами вопросы трудовых мобилизаций курировали одновременно советские, партийные и комсомольские инстанции, воспринимавшие подобные кампании как временные акции.

Руководству Ленинграда приходилось не только проводить трудовые мобилизации, но и пытаться разработать эффективную систему привлечения населения. Постоянно изменялись контингенты, которым предоставлялась отсрочка или бронь от призыва на работы²². Проблемой было и то, что люди, только что вернувшиеся с трудовых мобилизаций, были вынуждены снова ехать на них, но уже в другое место²³.

Если вначале кампании поддерживались низовыми руководителями, то с течением времени заводы и фабрики стали бороться за то, чтобы квалифицированные кадры не отправлялись на мобилизации. Особенно активно выступал Радиокomitee, апеллировавший в течение всего 1941 г. к тому, что после окончания сроков призыва необходимо возвращать специалистов²⁴.

Местные работники предпочитали использовать не методы положительной мотивации, а отсылки к военному положению. Уклонисты воспринимались как дезертиры и должны были привлекаться к ответственности органами милиции²⁵. Отсутствие премирования и выдачи повышенных норм питания для трудармейцев неизбежно отражалось на их моральном состоянии, снижало эффективность работы, а также свидетельствовало о том, что директора стремились еще больше усилить контроль над подчиненными.

Декабрь 1941 — январь 1943 г. можно обозначить как второй этап трудовых мобилизаций населения блокадного Ленинграда. Хронологически он совпадает не только с началом первой зимы, но и со стабилизацией ситуации в городе, ликвидацией параллелизма в работе органов власти и управления, возникновением достаточно стабильной формы руководства в лице триады Военный совет — горком/обком ВКП(б) — Ленгорисполком/облисполком. Характерной чертой этого периода стало не только расширение масштаба, но и появление

новых направлений трудовых мобилизаций. Массовое отключение электроэнергии, нехватка топлива и необходимость сохранения квалифицированных производственных кадров привели к двум основным кампаниям второго этапа: заготовке ресурсов и уборке и восстановлению Ленинграда.

Жители блокадного кольца стали авторами версии о том, что кампания по уборке города 1941–1942 г. преследовала цель предотвращения массовых эпидемий²⁶. Однако была и другая причина, связанная с тем, что вынужденная безработица вызывала закономерные вопросы о зарплатах сотрудникам временно законсервированных предприятий. Руководство Ленинграда считало, что необходимо привлечь население на разнообразные работы для обеспечения стабильного функционирования городского хозяйства. Помимо этого, опыт 1941 г. показал потребность в изменении форм учета и контроля над мобилизованными на трудовые работы. Как следствие, зима 1941–1942 гг. стала пиком бюрократизации трудовых мобилизаций. Разрабатывалось значительное количество планов по всем направлениям и формам учета. В таблицы заносились данные о том, сколько должно быть призвано человек, кто является ведущим предприятием по уборке в конкретные периоды времени, потребное количество транспорта и инструмента. Указывались точки сброса снега и вывоза нечистот, а также разверстки на каждый день²⁷.

Аналогично подготавливались отчетные документы, часто носившие характер ежедневных. В них отмечалось общее количество работавших с разбивкой по сменам, перечень проведенных работ (количество очищенных колдцев, дорог, мостов) и объемы вывезенного мусора. Помимо людей требовалось фиксировать привлеченный гужевой и автотранспорт — лошадей, санки, машины и трамваи. Вся документация визировалась председателем районного исполкома и первым секретарем райкома ВКП(б)²⁸.

Одновременно с этим зима 1941–1942 гг. становится пиком репрессивного законодательства. Руководители всех уровней считали, что привлечение населения на различные работы не носит продуманного характера. Если в предшествующий период применялись в основном административные меры воздействия, то кампания по уборке Ленинграда от снега и нечистот привела к активному использованию партийных репрессий. При этом они не ограничивались отметкой «поставлено на вид» или занесением выговора в партийный билет. Наиболее частой формой была угроза исключения из ВКП(б), сочетавшаяся со снятием работника с ответственной должности. Наказание несли не только политорганизаторы домохозяйств, но и руководители райисполкомов, райкомов ВКП(б) и первичных партийных организаций Ленинграда. Только по заводу им. «Комсомольской правды» были сняты со своих постов секретарь партийного бюро и заместитель директора²⁹. Аналогичные снятия и партийные взыскания фиксируются на многих предприятиях и учреждениях блокадного города³⁰. Наибольшее недовольство шло со стороны работников городского хозяйства и Водоканала, которые требовали привлечения чуть ли не всех председателей исполкомов к судебной ответственности за срыв подготовки и отправки кадров для восстановления водопроводной сети³¹. Подобные меры пошли на спад только к концу 1942 г.³²

Несмотря на всплеск репрессивного законодательства, руководство Ленинграда осознало ограниченность подобных методов и стало переходить к формам положительной стимуляции трудовой деятельности через натуральное и денежное премирование. За мобилизованными сохранялось 50 % зарплаты по месту работы, а выплаты на лесозаготовках зависели от норм выработки³³. Важной мотивацией стали повышенные нормы питания. Отправлявшимся на лесо- и торфоразработки полагалось 375 г хлеба в сутки, что было больше, чем по карточке рабочего³⁴. Аналогичные формы стимулирования получили распространение и в ходе сельскохозяйственных кампаний 1942–1944 гг. Вначале они носили характер денежного премирования за перевыполнение плана³⁵. Постепенно местные руководители стали переходить к сдельной форме оплаты труда³⁶.

Одним из главных недостатков второго этапа являлось постоянное увеличение количества кампаний. Опыт предшествующих трудовых мобилизаций учитывался ситуативно, а проблемы не всегда решались из-за ограниченности ресурсов. Фактически 30–40 % от списочного состава всех предприятий Ленинграда было вынуждено изо дня в день находиться на различных работах: заготовке продовольствия и топлива, уборке города, железных дорог и аэродромов, разборке и восстановлении разрушенных строений. Отсюда и заметная пестрота контингента трудармейцев. Как отмечалось в одном из первых обобщающих отчетов: «Люди, мобилизованные на лесозаготовки, самых разнообразных профессий и званий: слесари и токари, текстильщицы и швейницы, обувщицы и галошницы, пишевики и домохозяйки, колхозники и колхозницы, — из них 90–95 % женщин»³⁷.

Третий этап был связан с прорывом в 1943 г. блокады Ленинграда. Жители города ждали этого события, рассчитывая на хотя бы частичное возвращение к довоенным практикам руководства. К этому моменту произошли значительные сдвиги в составе трудоспособного населения города. Почти везде процент женщин на производстве превысил 50³⁸. Одновременно с этим увеличилась и доля молодых людей на фабриках и заводах, однако необходимо отметить, что на разных предприятиях по-разному определяли молодежь. В отчетах возраст подростков колебался от 14 до 26 лет³⁹. На отдельных предприятиях почти все ученики были бывшими школьниками и не имели производственных навыков⁴⁰. Сократилось и общее количество трудоспособного населения, которое на 1 апреля 1943 г. составляло, по различным подсчетам, 489–510 тыс. чел.⁴¹

Прорыв блокады Ленинграда рассматривался как важный этап для эвакуации старых специалистов. Возможности для пополнения человеческих ресурсов были практически исчерпаны, требовался ввоз квалифицированных кадров для восстановления промышленности. На протяжении 1940-х гг. неоднократно провозглашались лозунги, призывавшие помочь в возвращении старых специалистов⁴². Однако у руководства города был иной взгляд на ситуацию, обусловленный ограниченными возможностями для размещения и содержания новых контингентов. В 1943 г. Я. Ф. Капустин заявил, что будет ограничен въезд в город, а эвакуация пройдет по лимитам. «Не надо думать, что от того, что блокада прорвана, прибавятся люди, что люди в Ленинград хлынут потоком

и не будет недостатка в рабочих квалификациях. Пускать людей в Ленинград вообще не будем, но если будем, то это будет делаться строго по плану с тем, чтобы город развивался так, как ему положено развиваться»⁴³. В этом отношении определенный интерес представляют рассуждения рядовых рабочих. Некоторые ленинградцы связывали решение об ограничении въезда с потенциальной возможностью проникновения в город немецких и финских шпионов⁴⁴.

Таким образом, надежды руководителей ленинградских предприятий на сокращение масштабов трудовых мобилизаций и возвращение старых специалистов не оправдались. Как следствие, был сделан акцент на профессиональной переподготовке имевшихся в распоряжении кадров. Это заметное отличие от более ранних периодов. В 1941–1942 гг. ставка делалась на обучение преимущественно родственников бывших работников⁴⁵. В «смертное время» ценные специалисты отправлялись по трудовым мобилизациям на другие предприятия, на заготовку леса и строительство оборонительных сооружений, переводились в команды местной противовоздушной обороны и на корабли Балтийского флота⁴⁶. Эти меры сочетались с сокращением отдельных работников. Некоторые учреждения за первую половину 1942 г. уволили 45 % списочного состава⁴⁷. Остаются неясными причины увольнений. Иногда имели место превышения должностных полномочий начальниками цехов⁴⁸. Часть передвижений явно была связана с требованием перевода в школы всех работников, не достигших 14 лет, эвакуацией и мобилизацией в Красную армию⁴⁹. Нельзя исключать, что под увольнением скрывались случаи плохого учета работников и высокая смертность. Дискуссионным является вопрос о масштабах увольнения пойманных на воровстве, так как на некоторых заводах и фабриках продолжали работать люди, официально привлеченные к уголовной ответственности⁵⁰.

В 1942 г. делался акцент на подготовке специалистов, способных обеспечить стабильное функционирование предприятия, починить оборудование, водопроводную и канализационную сеть, произвести мелкий ремонт помещений. Руководители боялись длительных простоев, поэтому концентрировали свое внимание на повышении квалификации подсобного персонала, а не на обучении профильных специалистов⁵¹.

Самой перспективной формой подготовки кадров было создание одного профильного центра, который бы обслуживал если не весь город, то хотя бы достаточно широкий круг предприятий и учреждений. Подобную идею активно пропагандировали как сами рабочие, так и руководители Ленинграда⁵². Однако ее реализация сталкивалась с целым комплексом проблем. В первую очередь, не было никакой гарантии, что образовательный центр не станет самостоятельным органом, входящим в конфликт с предприятием, где он бы размещался. Для подготовки кадров химиков на фабрику им. А. И. Микояна были приглашены научные сотрудники Гидролизного института, которым выделили собственное помещение. Однако возник ведомственный конфликт по вопросам подчиненности подразделения. Чтобы избежать подобных инцидентов на других предприятиях Ленинграда, вместо создания собственных центров директора учреждений стали посылать своих работников на фабрику им. А. И. Микояна, тем самым лишь усугубив ситуацию⁵³.

Иная проблема возникла по линии подготовки строительных специалистов. Предполагалась организация курсов в ремонтной конторе со сроком прохождения в один месяц и последующим трудоустройством по месту обучения. Комплектование курса проводилось по свободному набору с небольшим добавлением работников законсервированных предприятий Ленинграда. Все это привело к тому, что большинство учеников приходило не за образованием, а за рабочей карточкой, а некоторые даже насильно приводились руководством ремонтной конторы. За 1942 г. удалось подготовить только 251 чел., но практически все они разбежались и не работали по специальности⁵⁴.

По этим причинам в 1943 г. был сделан акцент на массовое обучение на самих предприятиях. Особое внимание уделялось не только повышению квалификации, но и освоению второй и третьей специализации, не всегда напрямую связанной с основной работой. Следует отметить, что массовая подготовка строительных специальностей началась не в 1943 г., а еще в конце 1941 г., когда в Кронштадте были организованы краткосрочные курсы для девушек⁵⁵.

Из-за отсутствия единого центра подготовки кадров произошел поворот к индивидуальному и бригадному обучению, активно применявшимся до 1944 г.⁵⁶ Однако в Ленинграде они приобрели свои особенности. Бригадный метод превратился в освоение простейших операций⁵⁷. У учеников отсутствовало умение работать с инструментами и оборудованием, что неизбежно вело к увеличению производственного брака⁵⁸. Не было отсева учащихся, из-за чего на практике полученный разряд и реальные навыки не совпадали, а также не проводилась подготовка сквозных и смежных профессий⁵⁹. Недостаточным оставался и охват молодежи⁶⁰. Отсутствовали контроль за присвоением квалификаций и проверочные испытания. Не выдавались и документы о прохождении обучения⁶¹. В 1943 г. по Московскому району, одной из крупнейших промышленных зон Ленинграда, только у 5 % рабочих металлообрабатывающей отрасли были 5–6-й разряды и выше, а у 20 % квалификации вообще не было⁶².

Одной из причин подобной ситуации стали высокие требования производственных программ, постоянное отвлечение работников на различные трудовые мобилизации, особенно на восстановление города, переброска больных сотрудников с места на место, что не давало возможности создать стабильный состав обучающихся⁶³.

Третий этап не закончился со снятием блокады, а продолжался вплоть до конца 1940-х гг. Послевоенный период определил и те сложности, которые стояли перед руководством Ленинграда. Власти не смогли отказаться от практики трудовых мобилизаций, так как восстановление города требовало значительного количества ресурсов и активной отправки людей на различные заготовительные кампании.

В условиях блокады трудовые мобилизации обеспечили стабильное функционирование предприятий Ленинграда и позволили жителям получить разнообразные навыки, необходимые в повседневной и трудовой деятельности. Вместе с тем в долгосрочной перспективе возникло множество сложностей, в том числе проблема роста числа инвалидов и необходимость постепенного вытеснения из промышленности женщин и подростков. Это сочеталось

с общим упадком города вследствие высокой смертности, разрушения, а также потери статуса портового центра после освобождения Прибалтики.

Определение общего количества мобилизованных осложняется отсутствием единой статистики. Участие большинства ленинградцев в разнообразных трудовых мобилизациях в течение 1937–1949 гг., частые перемещения и пробелы в табельном учете позволяют лишь обозначить примерные данные по каждой из кампаний. Больше всего жителей города участвовало во всеобщей трудовой повинности по уборке, проходившей 27 марта — 8 апреля 1942 г. Власти планировали привлечь порядка 505 тыс. чел.⁶⁴ Однако в действительности работало примерно 230 тыс. чел.⁶⁵ При этом в последующие годы при уборке Ленинграда трудилось порядка 19–31 тыс. чел.⁶⁶

В заготовке топлива и сельскохозяйственной продукции принимало участие не менее 50–60 тыс. чел. по каждому направлению (торфоразработки, лесозаготовки, посев и уборка урожая). Отдельным исключением является месячник заготовки дров. По официальным данным, удалось мобилизовать 249 580 чел.⁶⁷ В это число входят не только люди, непосредственно участвовавшие в разборке деревянных строений, но также охранники и табельщики, что следует учитывать при сопоставлении с другими мероприятиями.

К началу второго этапа, совпавшего с зимой 1941–1942 гг., общее число мобилизованных на строительство оборонительных рубежей составило 475 079 чел., лишь 79% от изначального плана⁶⁸. Эти данные значительно точнее, чем появившиеся впоследствии сведения о 500 тыс. мобилизованных на строительство оборонительных рубежей⁶⁹. Но при этом не учитываются два фактора. Первый связан с тем, что люди могли лишь числиться по бумагам, но не присутствовать на работах⁷⁰. Возможно, именно этим можно объяснить озвученное в Комиссии по трудовой повинности количество — 300 тыс. трудармейцев⁷¹. Второй — строительство оборонительных укреплений, их ремонт, а затем и демонтаж проводились в течение всей Великой Отечественной войны. Только летом 1942 г. из 70 тыс. официально числившихся мобилизованными на различные трудовые повинности более 42 тыс. чел. считались призванными на строительство оборонительных сооружений⁷².

Таким образом, трудовые мобилизации помогли в обеспечении стабильного функционирования городской инфраструктуры в условиях блокады Ленинграда. Вместе с тем подобные формы привлечения населения перестали быть экстраординарным решением, перейдя в категорию повседневной нормы. Как следствие, даже после окончательного снятия осады власти не смогли отказаться от подобных мер, продолжая использовать их вплоть до конца 1940-х гг.

Трудовые мобилизации во многом были апробацией методов учета, подготовки и распределения кадров. По этой причине ограничивать их исключительно массовыми кампаниями или отдельными перебросками специалистов между предприятиями некорректно. Необходимо включать в это понятие и различные формы подготовки и переподготовки специалистов, а для послевоенного периода — трудовую реабилитацию инвалидов Великой Отечественной войны.

- ¹ Потемкина М.Н., Жаркынбаева Р.С. Мобилизационная политика Советского государства в военные годы (1941–1945) в Казахской ССР: историография проблемы // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2024. Т. 34, вып. 5. С. 1103–1112.
- ² Гарунова Н.Н., Суздальцева И.А. Роль дагестанцев в строительстве «Терского рубежа» на начальном этапе Великой Отечественной войны // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 35, вып. 2. С. 7–13; Данилов П.П. Ленинградцы на строительстве оборонительных рубежей в 1941–1942 годах // Отечественная история. 2001. № 3. С. 163–169; Гриднев В.П. Руководство оборонительным строительством в битве за Ленинград // Управленческое консультирование. 2017. № 2. С. 78–84; Коришунов Э.Л., Рыпасов А.И. «При строительстве противотанковых препятствий учитывать мелкие водные преграды...» // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 3–5; Маляров В.Н.: 1) Строительный фронт Великой Отечественной войны: создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2000; 2) Оборонительное строительство на западных рубежах России (СССР): военные строители на службе Отечеству 1914–1945 гг. М., 2021; Иванцов И.Г. О строительстве Краснодарского оборонительного обвода (июль 1941 г. — июль 1942 г.): по протоколам Краснодарского городского комитета ВКП(б) и городского исполкома // Русская старина. 2017. № 8 (1). С. 97–104; Медведев М.В.: 1) «Организация по строительству Ростовского оборонительного района...»: документы Ростовского обкома ВКП(б). Октябрь 1941 г. — июнь 1942 г. // Русский архив. 2014. Т. 3, № 1. С. 64–72; 2) Проблемы строительства Сталинградского оборонительного рубежа в 1941–1942 гг. // Русская старина. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 187–193; Мед Ю.Д., Дубровин В.А. Народный подвиг на строительстве оборонительных рубежей // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения. 2016. № 3 (39). С. 44–46.
- ³ См., например: Ревт Г.А. Ведомственные населенные пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2014. С. 98; Комзорт М.В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1920–1960-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2020. С. 236; Бугай Н.Ф. Женщина в СССР: inferнальный принудительный труд, борьба за выживание // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 3/1. С. 25–37.
- ⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 316; Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 241; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1230.
- ⁵ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. С. 263–283, 285–313; Кодекс законов о труде 1922 гг. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodekstr_22 (дата обращения: 30.11.2024).
- ⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 1. Д. 9117. Л. 2–4; Ф. 1515-Л. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–2; Ф. 1561. Оп. 1. Д. 195. Л. 40; Д. 391. Л. 5.
- ⁷ Азбука советского трудового права. Кодекс законов о труде в вопросах и ответах / под ред. И. С. Войтинского. 3-е изд. М., 1926. С. 6, 23–25.
- ⁸ Воейков Е.В. Решение топливной проблемы в Поволжье в 1918–1941 гг. дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2015. С. 197, 218.
- ⁹ Азбука советского трудового права. С. 10–11, 107.
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 2798. Л. 7–8; Д. 2871. Л. 1; Д. 3611. Л. 1; Д. 4351. Л. 30; Д. 4348. Л. 3, 15, 22; Ф. 1940. Оп. 2. Д. 1. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 2980. Л. 17.
- ¹² Там же. Д. 4348. Л. 54.
- ¹³ Память: Письма о войне и блокаде / сост. А. К. Варсоби́н, И. Б. Лисочкин. Л., 1987. С. 15.
- ¹⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1300. Оп. 11. Д. 163. Л. 7; Д. 148. Л. 12; Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1165. Л. 161–163.
- ¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» // Правда. 1941. 23 июня.
- ¹⁶ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. док. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний

/ отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1. СПб., 2019. С. 20–21.

- ¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 8832. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ¹⁸ См., например: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 378. Л. 4; Д. 3646. Л. 6.
- ¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 8832. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–7.
- ²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 580. Оп. 2. Д. 8. Л. 8–9; Ф. 5. Оп. 3. Д. 16. Л. 2–3; Ф. 15. Оп. 4. Д. 3. Л. 85.
- ²¹ Там же. Ф. 24. Оп. 151. Д. 3. Л. 1, 15, 58, 87, 165–166.
- ²² Блокада в решениях... Ч. 1. С. 50, 182, 199, 290, 356, 401; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-А. Д. 183. Л. 56–57.
- ²³ ЦГА СПб. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.; Ф. 8832. Оп. 1. Д. 2. Л. 61; ЦГАИПД СПб. Ф. 2272. Оп. 1. Д. 298. Л. 26.
- ²⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербург (ЦГАЛИ СПб). Ф. 293. Оп. 2. Д. 89. Л. 11, 14–15.
- ²⁵ ЦГА СПб. Ф. 1300. Оп. 11. Д. 155. Л. 6, 9.
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 796. Л. 21; Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5791. Л. 23 об.; *Машанский Ф.* Закаленный отряд защитников Ленинграда // Ленинградская правда. 1943. 11 июля.
- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 3. Д. 149. Л. 32–34, 42.
- ²⁸ Там же. Л. 45.
- ²⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 40. Л. 154.
- ³⁰ Там же. Д. 41. Л. 4; Д. 56. Л. 80; Ф. 4. Оп. 3. Д. 82. Л. 10, 14; Д. 80. Л. 5–6; Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5760. Л. 109.
- ³¹ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4515. Л. 9, 51; Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5790. Л. 22; Д. 5867. Л. 1–3, 30–32.
- ³² Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 127. Л. 9.
- ³³ Блокада в решениях... Ч. 1. С. 486.
- ³⁴ *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. С. 147. — Блокадники впоследствии вспоминали: «...там было сытнее: давали хлеба полкило» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 107. Оп. 3. Д. 421. Л. 3).
- ³⁵ Блокада в решениях. Ч. 1. С. 565.
- ³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 3. Д. 184. Л. 11; Ф. 2. Оп. 3. Д. 79. Л. 183; Ф. 1834. Оп. 2. Д. 14. Л. 23.
- ³⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5778. Л. 4.
- ³⁸ Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 127. Л. 38; *Капустин Я.* Первичные парторганизации ленинградских промышленных предприятий в условиях войны. Л., 1943. С. 53–54.
- ³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 247. Оп. 2. Д. 13. Л. 13; Ф. 460. Оп. 1. Д. 28. Л. 40; Ф. 2049. Оп. 2. Д. 12. Л. 111.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
- ⁴¹ Там же. Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 6323. Л. 31.
- ⁴² Там же. Ф. 437. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.
- ⁴³ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4670. Л. 16.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 872. Оп. 1. Д. 29. Л. 13 — 13 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 4. Д. 3. Л. 37.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 78. Оп. 2. Д. 36. Л. 32 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 39. Л. 22.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Д. 36. Л. 2; Ф. 415. Оп. 2. Д. 81. Л. 77.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 681. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.
- ⁵¹ Там же. Ф. 291. Оп. 2. Д. 14. Л. 27–28.
- ⁵² Там же. Ф. 691. Оп. 1. Д. 12. Л. 13; Ф. 1502. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
- ⁵³ Там же. Ф. 1864. Оп. 2. Д. 2. Л. 33 об. — 34.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 3. Д. 82. Л. 141 об.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 4. Д. 3. Л. 174.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 1502. Оп. 2. Д. 3. Л. 45; Ф. 415. Оп. 2. Д. 77. Л. 16; Ф. 4. Оп. 3. Д. 78. Л. 9; Ф. 613. Оп. 1. Д. 15. Л. 41.

- ⁵⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 3. Д. 48. Л. 64.
⁵⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 122. Л. 8.
⁵⁹ Там же. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 7. Л. 5 об.; Ф. 415. Оп. 2. Д. 77. Л. 17; Ф. 19. Оп. 2. Д. 56. Л. 33.
⁶⁰ Там же. Ф. 78. Оп. 2. Д. 102. Л. 53; Ф. 4. Оп. 3. Д. 173. Л. 5.
⁶¹ Там же. Ф. 691. Оп. 1. Д. 12. Л. 19; Ф. 746. Оп. 1. Д. 16-А. Л. 2.
⁶² Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 122. Л. 59.
⁶³ Там же. Ф. 6. Оп. 3. Д. 48. Л. 64; Ф. 613. Оп. 1. Д. 15. Л. 40; Ф. 923. Оп. 1. Д. 17. Л. 14; Ф. 1009. Оп. 2. Д. 19. Л. 13; Ф. 1249. Оп. 2. Д. 24. Л. 23.
⁶⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4462. Л. 36; Ф. 24. Оп. 2-В. Д. 5790. Л. 16.
⁶⁵ Там же. Д. 5791. Л. 24.
⁶⁶ Там же. Л. 51; Д. 6276. Л. 3.
⁶⁷ Там же. Д. 5791. Л. 41.
⁶⁸ Там же. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 9. Л. 3–5.
⁶⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 520. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.
⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 8832. Оп. 1. Д. 4. Л. 104.
⁷¹ Там же. Д. 5. Л. 8.
⁷² Там же. Д. 4. Л. 20.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2024 г.
Рекомендована к печати 14 марта 2025 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стефаненко А. Ю. Трудовые мобилизации населения в блокадном Ленинграде // *Новейшая история России.* 2025. Т. 15, № 3. С. 569–582. EDN EZCAOT

Аннотация: Статья посвящена трудовым мобилизациям населения блокадного Ленинграда. Несмотря на то, что юридические основания для массового привлечения граждан Советского Союза к выполнению различных трудовых повинностей были закреплены в советском законодательстве еще в годы Гражданской войны, до второй половины 1930-х гг. подобные меры применялись на практике достаточно редко. Ситуация резко изменилась в условиях Великой Отечественной войны, когда массовые военные мобилизации в Красную армию и парамилитарные формирования и эвакуация специалистов в глубокий тыл привели к сокращению трудоспособного населения. Наиболее критическая ситуация сложилась в Ленинграде, оказавшемся в блокадном кольце и не имевшем возможности стабильного пополнения производственных и хозяйственных кадров. По этой причине местные руководители активно использовали трудовые мобилизации на разнообразные работы, в том числе на строительство оборонительных сооружений, заготовку продовольственных и топливных ресурсов, уборку и восстановление города. Некоторые схожие кампании достаточно подробно охарактеризованы на материалах других регионов Советского Союза, что неизбежно привело к отсутствию в историографии единых критериев. Трудовые мобилизации часто интерпретируются исследователями как временные акции или разновидность принудительного труда. Вместе с тем подобная трактовка приводит к искусственному сужению проблематики, исключает из темы трудовых мобилизаций вопросы подготовки квалифицированных кадров и различные меры по рациональному использованию рабочей силы. В статье охарактеризованы основные этапы трудовых мобилизаций в блокадном Ленинграде, определены их главные особенности и противоречия, а также объяснено, почему руководители города после окончательного снятия осады так и не смогли отказаться от различных форм трудового привлечения населения вплоть до конца 1940-х гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, трудовые мобилизации, трудовая повинность, заготовка топлива, строительство, оборонительные рубежи.

Сведения об авторе: *Стефаненко А. Ю.* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет; науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); <https://orcid.org/0000-0003-2433-4331>, stisawesome1@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

FOR CITATION

Stefanenko A. Yu. 'Labor Mobilizations of the Population in Besieged Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 15, no. 3, 2025, pp. 569–582. EDN EZCAOT (In Russian)

Abstract: The article is devoted to labor mobilizations of the population of besieged Leningrad. Despite the fact that the legal basis for mass recruitment of Soviet citizens to perform various labor duties were fixed in Soviet legislation during the Civil War, until the second half of the 1930s, such measures were rarely applied in practice. The situation changed dramatically during the Great Patriotic War, when massive military mobilizations in the Red Army and paramilitary formations and the evacuation of specialists to the rear led to a reduction in the able-bodied population. The most critical situation was in Leningrad, which was in a blockade ring and did not have the opportunity for stable replenishment of production and economic personnel. For this reason, local leaders actively used labor mobilization for a variety of works, including the building of defensive structures, harvesting food and fuel resources, cleaning and rebuilding the city. Some similar campaigns have been described in sufficient detail based on materials from other regions of the Soviet Union, which inevitably led to a lack of uniform criteria in historiography. Labor mobilizations are often interpreted by researchers as temporary actions or a type of forced labor. At the same time, such an interpretation leads to an artificial narrowing of the problem, excludes from labor mobilizations the issues of training qualified personnel and various measures for the rational use of labor. The article describes the main stages of labor mobilizations in besieged Leningrad, identifies their features and contradictions, and explains why the city's leaders, after the final lifting of the siege, were unable to abandon various forms of labor recruitment until the late 1940s.

Keywords: Great Patriotic War, siege of Leningrad, labor mobilizations, labor conscription, fuel procurement, construction, defensive lines.

Author: *Stefanenko A. Yu.* — PhD in History, Senior Researcher, St. Petersburg State University; Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); <https://orcid.org/0000-0003-2433-4331>, stisawesome1@gmail.com

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

References:

Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), transcripts of meetings, comp. K. A. Boldovskii, pt 1: June 1941 — March 1942 (St. Petersburg, 2019). (In Russian)

Bugai N. F. 'A woman in the USSR: infernal forced labor, the struggle for survival, *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naiia mysl'*', vol. 9, no. 3/1, 2017, pp. 25–37. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-25-37> (In Russian)

Danilov P. P. 'Leningraders on the construction of defensive lines in 1941–1942', *Otechestvennaia istoriia*, no. 3, 2001, pp. 163–169. (In Russian)

Garunova N. N., Suzdaltseva I. A. 'The role of Dagestanis in the construction of the "Tersk Frontier" at the initial stage of the Great Patriotic War', *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*, vol. 35, iss. 2, 2020, pp. 7–13. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2020-35-2-7-13> (In Russian)

Gridnev V. P. 'Leadership of defensive construction in the Battle for Leningrad', *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 2, 2017, pp. 78–84. (In Russian)

- Ivantsov I. G. 'On the construction of the Krasnodar defensive bypass (July 1941 — July 1942): According to the protocols of the Krasnodar City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the city Executive Committee', *Russkaia starina*, no. 8 (1), 2017, pp. 97–104. https://doi.org/10.35231/25422375_2024_2_83 (In Russian)
- Kapustin Ya. *The primary party organizations of Leningrad industrial enterprises during the war* (Leningrad, 1943). (In Russian)
- Komgort M. V. *Discovery of the West Siberian oil and gas province (1920–1960's)* [Doctor of History Dissertation] (Yekaterinburg, 2020). (In Russian)
- Korshunov E. L., Rupasov A. I. "When building anti-tank obstacles, take into account shallow water obstacles...", *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9, 2013, pp. 3–5. (In Russian)
- Kukushkin Yu. S., Chistyakov O. I. *An essay on the History of the Soviet Constitution* (Moscow, 1987). (In Russian)
- Malyarov V. N. *Defensive construction on the Western borders of Russia (USSR): Military builders in the service of the Fatherland 1914–1945* (Moscow, 2021). (In Russian)
- Malyarov V. N. *The construction front of the Great Patriotic War: The creation of strategic frontiers and bridgeheads to ensure the defensive operations of the armed forces during the war of 1941–1945* (St. Petersburg, 2000). (In Russian)
- Med Yu. D., Dubrovin V. A. 'National feat on the construction of defensive lines', *Nauchnyi vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespecheniia*, no. 3 (39), 2016, pp. 44–46. (In Russian)
- Medvedev M. V. "Organization for the construction of the Rostov defensive region...": Documents of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). October 1941 — June 1942', *Russkii arkhiv*, vol. 3, no. 1, 2014, pp. 64–72. (In Russian)
- Medvedev M. V. 'The problems of the construction of the Stalingrad defensive line in 1941–1942', *Russkaia starina*, vol. 15, iss. 3, 2015, pp. 187–193. (In Russian)
- Pavlov D. V. *Leningrad is under siege (1941)* (Moscow, 1961). (In Russian)
- Potemkina M. N., Zharkynbayeva R. S. 'The mobilization policy of the Soviet state during the war years (1941–1945) in the Kazakh SSR: Historiography of the problem', *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologii*, vol. 34, iss. 5, 2024, pp. 1103–1112. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2024-34-5-1103-1112> (In Russian)
- Reut G. A. *Departmental settlements of the Ministry of Medium Engineering of the USSR in Siberia (1949–1991)* [Doctor of History Dissertation] (Krasnoyarsk, 2014). (In Russian)
- The ABC of Soviet labor law. The labor code in questions and answers*, ed. I. S. Voitinsky, 3rd ed. (Moscow, 1926). (In Russian)
- The Memory: Letters about the war and the blockade*, eds A. K. Varsobin, I. B. Lisochkin (Leningrad, 1987). (In Russian)
- Voeykov E. V. *The solution of the fuel problem in the Volga region in 1918–1941* [Doctor of History Dissertation] (Penza, 2015). (In Russian)

Received: November 30, 2024

Accepted: March 14, 2025